

Вечно живой, бурлящий, гудящий, жужжащий город Киото в этот день будто оцепенел. Но не в страхе, а в ожидании чего-то. Это ожидание проявлялось в каждом жесте, в каждом разговоре его жителей. Неважно, был ли тот вельможей, или ничем не приметным крестьянином.

До молодой девушки, с волосами, словно их благословила сама богиня Солнца, достигали слухи о неких воинах, которых в Киото ждали все: от старого до млада. Весь этот ажиотаж, что происходил вокруг них, девушка в корне не понимала. Пожалуй, дело могло быть в том, что она была родом не отсюда.

Черты её лица, цвет глаз и многое другое выделяло молодую особу в толпе, часто ставя её в неловкие ситуации. И в расспросах, когда спрашивали, откуда она родом, ей приходилось часто вздыхать от понимания, что она была не в силах объяснить любому жителю этой страны, что прибыла далеко из-за морей...

Хоть прожила она в столице не так много, но никогда прежде девушка не видела такой отклик от людей, которые, заняв места возле главной дороги, ожидали скорое прибытие воинов.

Изучая нравы и обычаи местных, она как-то мало уделила внимание военной политике, полагая это несущественным. И, пожалуй, она лишь теперь осознала свою ошибку.

Вопрос веры для неё всегда стоял в приоритете, но сегодня, слегка досадуя на себя, девушка впервые за долгое время почувствовала свои отчужденность и одиночество.

Легкий шепот, предвещавший конец ожиданиям, привлек её внимание, тем самым на время притаив давно нарастающий внутренний конфликт. Стоя среди толпы, и, вглядываясь в прибывших, она не подозревала, что весь этот ажиотаж коснется и её тоже.

— Кто они...

Не вглядываясь в соседа слева, задала она свой вопрос.

— Воины Такеда, — был ей слегка удивленный ответ.

Казалось, воины никого вокруг себя не замечали. И в каждом их шаге чувствовалась некая обреченность. Все взгляды толпы были устремлены в одну точку, на паланкин, который несли посередине потока.

— Кого... Кого несут в нем?

И прежде чем ответить, сосед слева посмотрел на неё, будто на умалишенную, и затем только произнес:

— Десницу Бога Хатимана, Канске Ямамото...

Эти слова ничего для неё не прояснили, а лишь озадачили её ещё сильнее.

Она и сама не заметила, как начала пробираться сквозь толпы людей, чтобы оказаться в первых рядах. К ней словно озарение пришла мысль, что миссионерская деятельность станет гораздо успешнее, если ей удастся привлечь на свою сторону влиятельных людей этой страны.

Луис Фройс, прибывшая из далекой Португалии, и не подозревала, к чему приведут её намерения...

Асикага Ёситэру нервничал, хотя и пытался не подавать виду. Даже усиленные тренировки не помогли унять чувств. Чувств, до сего времени не испытанные им. Нет, этого никак нельзя назвать страхом. Ёситэру по природе своей не боялся ничего.

Но сама мысль, что встреча наконец-таки состоится, порождала в его душе смятения...

Ему вспомнилось, как еще ребенком, он точно так же волновался перед встречей со своим отцом. Давно забытые воспоминания настигли его в эту минуту, на секунду заставив позабыть обо всем.

— Сёгун-сама, гости ожидают вас, — тихий голос слуги будто пробудил его ото сна.

Прочистив горло, Ёситэру лишь кивнул, прежде чем выйти из комнаты и направиться к посетителям.

Заняв свое место, сёгун хоть и пытался пристально не вглядываться в гостя, ему это, откровенно говоря, едва ли удавалось. Хоть он и прокручивал в голове эту встречу, действительность в какой-то мере озадачила его.

— Сёгун-сама, позвольте представить... Канске Ямамото Харуюки, — привлекла его внимание девушка, одетая в маску.

— А Вы, как я понимаю, Безликая Рен? — учтиво поинтересовался Ёситэру.

Согнувшись в поклоне, девушка бережно ухватила за локоть стратега Дома Такеда. Поначалу Ёситэру не понял этого жеста: до него не сразу дошло, что этикет требует и от Канске поклона...

— Оставим церемониальность, — быстро ответил Ёситэру, видя, что гостю будет трудно соблюдать все условности.

Сёгун так и вовсе разрешил бы ему вести переговоры лежа, если бы не боялся тем самым обидеть Канске ненароком.

— Сёгун-сама, мы прибыли... чтобы заключить союз с Вашим домом...

Тяжелое дыхание и частые паузы были признаками, что у стратега дела были еще хуже, чем думал Ёситэру.

Обычно самураи снимали свои шлемы, оголяя лицо перед правителем. Но никто не посмел вставить это в укор Канске, что говорило о высоком к нему уважении со стороны людей сёгуна.

— Если Вас не затруднит, не могли бы Вы снять свой шлем, — попросил Ёситэру.

Осунувшееся от болезни лицо и мешки под глазами так подействовали на Ёситэру, что последний на минуту потерял дар речи. С сожалением, он признал молву, что жить стратегу осталось недолго. От этой мысли, какая-то непонятная горечь заполонила сердце Ёситэру.

Видимо, состояние сёгуна не укрылось от зорких глаз Канске, так как тот произнес:

— Не ожидал... что Вы настолько сентиментальны...

Будто оценив шутку, Ёситэру разразился смехом. На что вторил и Канске, смехом, таким неживым и неестественным для слуха, что даже кости леденели.

«Бесспорно», — подумал сёгун, — «бог смерти давно уже следует за ним». Но вслух сказал иное:

— Не буду Вас утомлять и сразу перейду к делу. Откровенно говоря, мы мало чем можем друг другу помочь. Ваша дайма, Такеда Харуна, ведет непримиримую войну с Кенсином...

Намекая на это, Ёситэру подчеркнул, что Такеде едва ли удастся всей мощью направиться на запад. Враги не позволят. Однако, стратег, видимо, предвидел этот вопрос, так как тут же заявил:

— Могу Вас заверить, Кенсин не станет для нас проблемой. Даже наоборот...

Глядя в хитрые глаза стратега, Ёситэру поразился быстрому преображению Канске. Казалось, перед ним уже не сидел человек, ожидающей своей смерти.

«Переманивай на свою сторону лучших, делай их своими союзниками, друзьями — и тебе не будет равных», — слышалось ему давно забытый голос отца. Будь отец все еще жив, он непременно спросил бы его, как этого добиться.

Встряхивая голову, Ёситэру уже знал ответ на невысказанный вопрос. Но глядя на Канске, он не мог уверенно сказать, кто кого будет использовать в их союзе. Бесспорно, не зря же люди видели в нем проявление бога войны.

— Каким это образом? Ведь Кенсин Ваш кровный враг...

— Ну, это сильно сказано. Всем известно, как благородный Дракон из Этиго уважает волю сёгуна. Если Вы будите посредником между нами, то мы сможем отринуть вражду...

Эта мысль была очень заманчивой. Ведь в этом случае не только Такеда станет союзником, но и клан Уэсуги. Такеда в будущем не сможет диктовать условия сёгуну, так как тот в любой момент сможет спустить Кенсина с цепи...

Казалось, все эти мысли Канске без труда прочел на лице Ёситэру. Последнему от этого слегка сделалось не по себе.

Имея двух сильных союзников, Ёситэру мог впредь не опасаться своего врага, клана Миёси. Пока Сёгун просчитывал некоторые моменты, стратег произнес:

— Ёситэру-сама, наши мечи будут в Вашем распоряжении, и Ваши недруги станут нашими врагами...

— Всё это весьма заманчиво, но какую цель Вы преследуете? В чем Ваша выгода?

— Мне осталось недолго. Я не хочу, чтобы после моей смерти, враги уничтожили клан Такеда. К сожалению, амбициозным планам моей госпожи не суждено сбыться. Но даже так, мы можем объединить страну под Вашим началом. Пора положить конец эпохе смуты.

Сказано это было с такой решительностью, что на миг Ёситэру абсолютно доверился ему.

Пожалуй, он был бы и сам не прочь поверить, но былые следы предательства давали о себе знать. Одно Ёситэру знал наверняка: прежние враги могут стать союзниками, а союзники — врагами. Спроси его, сёгун вряд ли смог бы ответить, кем в конце концов окажется клан Такеда — врагом или союзником. Но даже если так, окажись они врагами, тогда к большому

облегчению, в стане Такеда в недалеком будущем уже не будет его, Канске.

Ёситэру презирал себя за столь недостойные мысли, но ничего не мог с собой поделать.

Аудиенция окончилась, как тут же воины Канске принесли носилки. Было больно наблюдать, как молодой стратег не в силах покинуть комнату на своих двоих. Несмотря на великие подвиги, судьба решила забрать его подобным образом.

Пожалуй, этот момент запечатлелся в памяти Ёситэру надолго. Ничто не вечно, даже великие мира сего...

— Меня это устраивает. Но есть еще одно условие, — успел он произнести, пока Канске не увели прочь.

— Какие же? — будто лежа на смертном одре, спросил стратег.

— Я хочу, чтобы ты женился на принцессе Митохиса...

— То есть, как это?.. — Ёситэру впервые услышал нотки удивления в голосе Канске.

— Если ты женишься на ней и станешь императором, то я готов принять твое предложение, — ответил сёгун.

Расчет его был прост: женив умирающего Канске, он соберет вокруг себя великие кланы. Ну, а после смерти стратега оборвется нить династий императоров, и сёгуну не придется делить власть с кем бы то ни было.

Услышав то ли карканье, то ли загробный смех из уст стратега, Сёгун на минуту ужаснулся.

— «Император Канске»... Звучит неплохо. Да будет так, — все присутствующие услышали его ответ.

На минуту им показалось, что устами Канске заговорил сам бог Хатиман. Ёситэру удивился бы, узнай, что не только у него забегали мурашки под кожей...

<http://tl.rulate.ru/book/2255/269101>